

Экономическая мысль России: история и современность

В. И. Пефтиев

В статье представлены итоги многолетних изысканий автора по истории экономической мысли России с акцентом на период 1881–1914 гг. Выявлены особенности дореволюционной экономической науки и ее вклад во всемирную историю.

Ключевые слова: экономическая мысль России XIX века, научные школы в политэкономии, синкретизм в экономической науке, «забытые» экономисты.

Economic Thought of Russia: History and the Present Time

V. I. Peftiev

In the article the results of long-term researches of the author on the history of the economic thought in Russia are presented with the accent of the period of 1881–1914. Peculiarities of the pre-revolutionary economic science and its contribution into the world history are revealed.

Key words: economic thought of Russia of the XIX-th century, science schools in political economy, syncretism in the economic science, “the forgotten” economists.

Наступил удобный момент для подведения итогов (разумеется, предварительных) многолетних изысканий автора по истории экономической мысли «долгого» XIX века (вплоть до Первой мировой войны). Начало персонального поиска и презентации «забытых» экономистов по ряду причин и обстоятельств пришлось на конец XX в. и явилось откликом на учебное пособие В. А. Павлова [7]. К настоящему времени по заявленной тематике нами опубликованы 3 книги и более 10 статей в изданиях Ярославля, Костромы и Иванова. Временная пауза в исследованиях (для продолжения сбора и обработки информации в фондах библиотеки ЯГПУ имени К. Д. Ушинского и Ярославской областной универсальной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова) не освобождает нас от обязанности позиционировать свое видение истории экономической мысли дореволюционной России с выводами современных российских учёных, обратившихся к этому же периоду.

Экономическая мысль России XIX в. (эпизоды и персоналии предшествующих веков – особый сюжет, вне нашего рассмотрения) зародилась запоздало и первоначально ориентировалась на заимствование и популяризацию идей и аргументов А. Смита, без анализа реалий тогдашней России. Первые сочинения по политической экономии принадлежали либо зарубежным авторам (де Верри), либо российским ученым немецкого происхождения (Х. Шлоцер). И лишь Г. Шторх добился международного признания своими размышлениями о «внутренних благах» (образование, здоровье, безопасность) в рамках цивилизационного подхода. Его шеститомник (в переводе И. В. Вернадского, 1881) переиздан в 2008 г. со вступительной статьей Ю. В. Якутина [15]. На последующие десятилетия приходятся яркие, но эпизодические статьи В. А. Милютина (1847, оценка доктрины Т. Мальтуса), Н. Х. Бунге (1868, разбор сочинений Дж. Ст. Милля), а также пожизненного

мигранта из России И. Г. Головина (1843, на французском языке). Особый интерес представляют экономические взгляды энциклопедиста К. Д. Ушинского, высказанные им в лекциях по меркантилистике (Ярославль, Демидовский лицей, 1847) и в малоизвестных статьях, обзорах и рецензиях для столичных журналов 50–60-х годов IX века [8]. С 70-х годов XIX в. экономическая мысль России сосредоточилась на обсуждении судеб общины и сельского хозяйства после отмены крепостного права. К рубежу XIX–XX вв. в России сформировалась самобытная и мощная национальная школа экономической мысли. Из этого поколения вышли экономисты международного ранга (С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. И. Чупров, а также экономисты-математики).

Применительно к экономической мысли «серебряного века» России (1881–1914) автор статьи убежден в справедливости придания ей статуса «национальной школы». Между тем вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд, если оперировать лишь массивом накопленной за эти годы литературы разных жанров (монографии, учебники, статьи, обзоры, рецензии) или ссылаться на плеяду талантливых профессоров и публицистов. Споры вокруг оценки трудов российских экономистов идут давно и актуализированы в книге Й. Цвайнерта (ФРГ) [13]. Этот бесспорный знаток экономической мысли России XIX в. избегает категоричности в суждениях и предлагает каждому самостоятельно определиться с наличием или отсутствием оригинальности «русской школы». А для первой половины XIX в., по его мнению, речь должна фокусироваться на выборе из двух вариантов ответа: немецко-русская школа или немецко-русская версия классического учения [14]. Современные российские ученые, в первую очередь коллективы исследователей Института экономики РАН и Московского государственно-

го университета, а также Г. Д. Гловели и другие со знанием ситуации «изнутри» доказывают непреложность факта существования российской школы экономической мысли с 90-х годов XIX в. [3].

Обоснуем нашу позицию. Понятие «школа» в науке употребляется в двух смыслах: узком и широком. Такое разграничение принципиально важно для разрешения коллизии в дискуссиях вокруг экономической мысли России XIX в.

В первом случае под «школой» понимается микросообщество учителя, его учеников и последователей; она (школа) излагает свои цели, принципы и программу деятельности в манифестах, авангардных монографиях или статьях, организует центры исследований и разработок, издает журналы для своего круга читателей. Подобная школа достигает зрелости через одно-два поколения ученых, группирующихся с ориентацией на престижный университет. В дореволюционной России, по данным Й. Цвайнерта, выделялись московская школа (глава – А. И. Чупров) и киевская (Н. Х. Бунге, Д. И. Пихно, А. Д. Билимович). В истории науки известны примеры, когда имеется новатор с работоспособной командой, но отсутствует «школа» в традиционном понимании, ибо коллектив характеризуется переменным составом и достаточной свободой в выборе тематики и методики интеллектуальных поисков [5].

Применительно к Демидовскому юридическому лицу в Ярославле и такая усеченная формулировка не годится, так как в этом вузе каждый профессор (А. А. Исаев, В. Ф. Левитский, А. Р. Свирцевский, Р. М. Орженецкий, И. Т. Тарасов) отличался своей сферой компетентности (политэкономия, статистика, финансы) и был самодостаточной научной величиной.

При переходе от локальной школы к национальной (широкий смысл слова) логико-познавательных сложностей еще больше. Экономическая мысль «серебряного века» неоднородна по временным границам как для литературы и культуры, так и в отношении политэкономии. Скорее всего, для культурологии «серебряный век» – это методологическая метафора, поиск идентификации объекта наблюдения с неясной хронологией: 90-е XIX в. – 20-е XX в.; 90-е XIX в. – 1917 г.; с 80-х годов XIX в. [11].

Экономическая мысль «серебряного века» России неоднородна и доктринальна. Она вместила многие течения экономической мысли. Либеральные народники (Н. Ф. Даниельсон, В. П. Воронцов, С. Н. Южаков) то доминировали в дискуссиях 80-х годов XIX в., то, десятилетия-

ми позже, уходили в глухую оборону, но никогда не исчезали с арены идейно-политических схваток. А в исторической ретроспективе народники одновременно правы и неправы, так как после 1906–1910 гг. распад общины ускорился, но не достиг пика в процессе «раскрестьянивания крестьянства» (В. И. Ленин). Дисперсны и российские версии марксизма: ортодоксы (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин), «легальные марксисты» (С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский до революции 1905–1906 гг.) и многочисленные попутчики (университетские профессора). В России активно защищали свои тезисы и идеалы приверженцы историко-этического направления, первые маргиналисты, а также эконометрики (В. К. Дмитриев, Н. Н. Шапошников).

Экономическая мысль любой эпохи неоднородна и по структуре. Эта констатация целиком и полностью приложима к эволюции экономической науки «серебряного века» России. Структурная неоднородность проявляется в сложном переплетении, встречающемся во многих текстах дореволюционных экономистов, чистой теории и текущей эмпирики, жгучих событий и нормативных пожеланий, строгого стиля и запальчивой публицистики. Поэтому желательно в итоговых оценках не отождествлять экономический анализ (теорию и методология в духе Й. Шумпетера) и экономическую мысль (политэкономия с элементами истории хозяйства и экономической политики).

По вышеназванным критериям экономическая мысль рубежа XIX–XX вв., вне сомнения, неоднородна, что допускает разнонаправленные толкования, с преобладанием знаков «плюс»/«минус». Но она и неисчерпаема. Неизвестны или забыты многие авторы (А. К. Корсаков, В. С. Войтинский, А. М. Рыкачев, Г. А. Харазов и др.). Экономическая мысль «серебряного века» России – это целый континент, со множеством ареалов и многоликой конфигурацией [9].

Коль скоро экономическая мысль дореволюционной России столь мозаична, то в чем тогда состоит ее оригинальность и каково ее место во всемирной истории? Коллективный вклад российских экономистов, их синергетика, на наш взгляд, прослеживается в нижеследующем.

Во-первых, нигде и никогда не обсуждалась так обстоятельно, как в России, судьба сельской общины, промышленных ремесел и артелей. Доказано, что в экономике ничто не торопится умирать раньше положенного срока, до завершения жизненного цикла. Все, что марксисты уничижи-

тельно называли «архаикой», «отсталостью», «варварством цивилизации» (Ф. Энгельс), сохраняло свои позиции во многих губерниях тогдашней России. И в обозримом будущем малое предпринимательство, родственно-территориальная солидарность и взаимопомощь сохранятся в постиндустриальную эпоху. Поспешность и принуждение в этом «чувствительном» секторе экономики нанесут непоправимый вред развитию производительных сил и сохранению стабильности в обществе.

Во-вторых, противостояние свободной торговли и национального протекционизма приняло системный характер с начала XVIII века и сопровождалось досадными «провалами» в исторической памяти. Рукопись первого российского протекциониста Ивана Посошкова о скудости и богатстве народов написана в 1724 г., но обнаружена и издана лишь в 1842 г. За свободу внешней торговли задолго до А. Смита ратовал Д. Юм (1749). К пионерам международной экономики относится и француз Этьенн Бонно де Кондильяк (1714–1780). Его читали немногие на континенте, а его работа опубликована одновременно с трудом А. Смита (1776) [2]. В XIX в. в жаркие споры на эту тему включились и российские экономисты. И лишь И. И. Янжулу удалось убедительно показать на материале родины свободной торговли, Великобритании, что внешнеэкономическая стратегия – это не доктринальная проблема, а сугубо прагматически зависящая от места и времени, конъюнктуры на мировых рынках и в экономике конкретной страны.

В-третьих, экономическая мысль России неоднократно демонстрировала свой прогнозный потенциал. М. В. Ломоносов предсказывал приращение мощи России Сибирью и Ледовитым океаном (последнее обычно опускается – В. П.). К. Д. Ушинский видел будущее России в освоении рек и озер (от северо-запада до Каспийского моря). Д. И. Менделеев в мудрой книге «К познанию России» (СПб., 1906) сформулировал важнейшее условие процветания Отечества: если обойтись без потрясений (революций и войн – В. П.), то к 1930 г. Россия догонит наиболее развитые страны. В той же книге наш великий энциклопедист констатировал отход США от Атлантики и движение к Тихоокеанскому побережью. Что же касается России, то Д. И. Менделеев предлагал населению передвигаться в сторону благодарного Юга и обильного земель Востока. К великому сожалению, его прозорливые рекомендации не были реализованы из-за неумения власти вести конструктивный диалог с наукой. И

в начале XXI века эти стратегические установки остаются в силе.

В-четвертых, российские экономисты на равных участвовали с зарубежными коллегами в так называемом «споре о методе» (Менгер – Шмоллер), то есть о предмете политэкономии и о месте в ее методологии дедукции и индукции. Инициативу проявил К. Менгер (1883); с российской стороны высказывали свои соображения В. П. Воронцов (1887), А. Р. Смирновский (1890), П. Б. Струве (1908) и др. [10]. Дискуссия возобновилась по всему спектру методологии, уже в эмиграции, между П. Б. Струве и А. Д. Билимовичем (1923, 1936) [13. С. 82]. В материалах давнего обмена мнениями сохранились и непреложное «ядро», и ценные указания относительно маршрута поиска взвешенной позиции по этой вечной теме. Вдумчивое прочтение этих статей принесет несомненную помощь современным ученым.

Экономическая мысль дореволюционной России оставляет двойственное впечатление чересполосицы значимых достижений и явных слабостей. В ее актив следует отнести математические доказательства (при определенных посылах) возможности синтеза концепций трудовой стоимости и предельной полезности, инструментализацию количественной теории денег (задолго до формулы И. Фишера), обоснование шкалы потребностей (раньше А. Маслоу) и другие открытия [12]. Вместе с тем, ученые из России не избавились от унаследованной заниженной самооценки, нежелания продвигать свои идеи в Европу (редкие публикации на иностранных языках), неготовности доводить свои замыслы до практического воплощения. Асимметрия во взаимовлиянии российской и зарубежной экономической науки сохраняется и в XXI в.

Чем же познавательна экономическая наука XXI в. в целом и России в частности? На позапрошлый век приходится четыре (а с марксизмом – пять) методологические революции в разных состояниях: исчерпание потенциала классической школы (А. Смит – Дж. Ст. Милль); искушение марксизмом в России; зарождение и продвижение маржинализма; элементы этатизма в экономике, предтечи кейнсианства; эмбриональная фаза эконометрики в Европе и России.

Российская экономическая мысль утвердилась как общественный институт (преподаватели, студенты, высокий статус). Ее отличал полицентризм: кадры высокой квалификации в университетских центрах (Санкт-Петербург, Москва, Киев, Одесса, Казань, Харьков). Участие ведущих профессоров в подготовке и реализации де-

нежной (1895–1897) и аграрной (1906–1911) реформ. Присутствие синкретизма (гибридности) в экономических концепциях – тенденции, которые четко обозначились лишь на рубеже XX–XXI вв. (новый лейборизм в Великобритании, либерал-социализм во Франции в других странах).

Экономическая мысль «серебряного века» России поучительна и в методологическом плане, ибо позволяет реализовать в полном объеме три подхода: а) с точки зрения истории; б) родословной (филиации) идей и в) сочетаний устарелого, непреложного и не востребовавшегося.

Первый подход. Экономическая мысль – фрагмент исторической эпохи. В связи с этим история экономики (хозяйства) и экономической политики позволяет обнаружить истоки (зачастую скрытые или неосознанные) генезиса той или иной доктрины, причины и обстоятельства модификации экономических и иных взглядов конкретного экономиста или школы. Так, позиция Н. Х. Бунге претерпевала значительную эволюцию от радикального либерализма (1852–1860) к умеренному протекционизму (1860–1895). Аналогичная ситуация и с П. Б. Струве: исследователи могут найти в его сочинениях высказывания в пользу либерализма (левого и правого), но имеются яркие доводы и в защиту российской государственности и даже крайности национализма (в отношении Финляндии и Украины).

Второй подход: эстафета и столкновение идей. По этому пункту российские экономисты показали себя великолепными знатоками зарубежной экономической мысли, осуществляя позитивно-критический обзор трудов коллег из Германии, Франции и Великобритании. Новинки зарубежной литературы (в оригинале и в переводах) читались в губернских и уездных учреждениях и в дворянских усадьбах.

Третий подход: неравноценность наследия. Чувство справедливости призывает уважительно относиться к трудам прошлых поколений и не злоупотреблять иронией по поводу ошибок, заблуждений и пристрастий экономистов позапрошлого века. Куда более благородная задача – искать и находить крупницы невостребованных наблюдений и догадок, не потерявших актуальности и в наши дни!

И в завершение статьи – пронзительное свидетельство современника той эпохи, удаленной от нас на целое столетие. Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) выразил свое самочув-

ствие и, видимо, многих очевидцев в таких словах: «XIX век. Каким он ни был – он был – он был нашим, нашей молодостью, и все заветное, волшебное, чем когда-то расцвел перед нами – связано с XIX веком. Жаль его как колыбель. Как родину, как уходящую жизнь... Истекающий век был самым работоспособным в истории, и никогда в столь короткий срок не было обнаружено столько влечения к знанию, столько страстной жадности, столько гения... Жизнь России за XIX век была жизнью, а не прозябанием» [6].

Библиографический список

1. Билимович, А. Д. Труды [Текст] / А. Д. Билимович. – СПб. : Росток, 2007. – 496 с.
2. Вехи экономической мысли [Текст] / под общ. ред. А. П. Киреева – М. : ТЕИС. – Т. 6. Международная экономика. – С. 9–11.
3. Гловели, Г. Размышления над книгой [Текст] / Г. Гловели // Вопросы экономики. – 2008. – № 9. – С. 140–154.
4. Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса [Текст]. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. – С. 428–439, 440–468.
5. Лефевр, В. А. «Тут, за горизонтом»: интервью [Текст] / В. А. Лефевр // Вопросы философии. – 2008. – № 11. – С. 69.
6. Меньшиков, М. О. Выше свободы. Статьи о России [Текст] / М. О. Меньшиков. – М. : Сов. писат., 1988. – С. 19, 20, 25.
7. Павлов, В. А. История российской экономической мысли [Текст] : учебное пособие / В. А. Павлов. – М., 1995. – 190 с.
8. Пефтиев, В. И. К. Д. Ушинский – российский энциклопедист XIX в. [Текст] / В. И. Пефтиев. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006. – 190 с.
9. Пефтиев, В. И. Забытые экономисты XIX века [Текст] / В. И. Пефтиев. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – 160 с.
10. Пефтиев, В. И. Комментарии к статьям В. П. Воронцова (1887) и П. Б. Струве [Текст] / В. И. Пефтиев // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 3. – С. 146–150.
11. Сайко, Е. А. Образ культуры «Серебряного века» [Текст] / Е. А. Сайко. – М. : Проспект, 2005. – С. 20.
12. Сухоплюев, И. В. А. Гольцев как учёный [Текст] / И. Сухоплюев // Русская мысль. – 1907. – Кн. 2. – С. 107–123.
13. Цвайнерт, Й. История экономической мысли в России: 1805–1905 [Текст] / Й. Цвайнерт; пер. с нем., под научн. ред. В. С. Автономова. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 410 с.
14. Шторх, А. Курс политической экономии. Размышление о природе народного дохода [Текст] / А. Шторх. – М. : Экон. газета, 2008. – 1120 с.